

Ким Герман Николаевич

*Доктор исторических наук, профессор,
директор Международного Центра корееведения
Казахского Национального университета
им. аль-Фараби (г. Алматы)*

Православное миссионерство и церковные школы для корейцев русского Дальнего Востока

Бесспорно, что в начальный период просвещения корейцев на русском Дальнем Востоке самую важную роль сыграли православная церковь и активная, подвижническая деятельность ее миссионеров. В 1856 г. Синод разрешил, открыто начать православную проповедь среди инородцев Амурского края. Начало христианской проповеди и миссионерской деятельности среди корейцев положено Святителям Иннокентием, который в начале 70-х гг. сделал распоряжение священнослужителям Южно-Уссурийского края заняться православным просвещением корейцев. Но при недостатке служителей культа и ввиду начала миссионерского дела одновременно во многих местах и среди различных инородцев христианская проповедь среди корейцев сначала продвигалась очень медленно¹. Для удовлетворения религиозных потребностей корейцев была устроена в 60-х гг. в Нижней Янчихе новая православная часовня, затем в 1872 г. воздвигнута часовня для корейцев Посъетского участка в с. Корсаковском во имя Св. Иннокентия Иркутского, а в следующем году сооружена часовня в с. Кроуновке во имя Покрова Пр. Богородицы. В это же время была выстроена вторая часовня в с. Тизинхе. К концу 70-х гг. относится начало возникновения самостоятельных корейских приходов, причем корейцы вносили сами пожертвования на постройку храмов и школьных помещений².

Первым миссионером, начавшим проповедовать среди корейцев, явился иеромонах Валериан, за которым последовали другие представители православной церкви: протоирей Иннокентий Верещагин, священники Иоанн Гомзяков, Иосиф Никольский, Илья Пляскин, Александр Новокшенов и, наконец, Василий Пьянков³.

Священник Василий Пьянков жил в Никольске, но с миссионерской целью путешествовал по всему Южно-Уссурийскому краю. В Тизинхэ Пьянков устроил первую часовню, затем им были воздвигнуты еще часовни в Янчихе, Краббе, Янтауза. Он же устроил в Тизинхе первую корейскую школу. Из учеников школы Пьянков выбрал несколько мальчиков, а именно: Семена Цой, Ивана Тен, Илью Ким и Петра Цой, взял их на свое попечение. Пьянкову принадлежит бесспорное первенство в миссионерской деятельности среди корейцев: за 1871 г. он крестил 697 человек из них 175 человек за 4 дня.

Были также многочисленные случаи усыновления русскими корейских детей. В. Вагин отметил, что ранние корейцы-переселенцы, не имевшие средств к существованию, «охотно отдавали своих детей на воспитание к русским. Еще до наступления весны в редком доме не было корейского ребенка. По настоянию местного священника многие из этих детей были тогда же крещены. В течении 1871 года окрещено было 363 человека обоего пола... Впоследствии некоторые из корейцев, живших около Владивостока, обзавелись понемногу хозяйством или, желая переселиться в другие места, настоятельно требовали возвращения своих детей. Требование это было совершенно понятно - с одной стороны, корейцы желали иметь помощников в хозяйстве и будущих работников, с другой, ими руководило чувство кровной связи. Но местный священник воспротивился этому, по его мнению, возвращение детей-христиан к родителям-язычникам не могло быть допущено. Завязалась переписка, и только уже главное управление разъяснило, что нет закона, по которому дети,

обращенные в христианство, могли бы быть разлучаемы с родителями, в этой переписке прошло около полугода⁴.

В журнале «Миссионер» за 1877 г. рассказывалось о судьбе корейского мальчика, который был усыновлен солдатом, научился читать и писать по-русски и получил также представление о «едином Боге» и о необходимости «обращаться к нему в горести и радости». В 1872 г. этот мальчик попал в Москву, где он был крещен по разрешению Митрополита Московского Иннокентия и приобрел юридические права русского гражданина.⁵

В. Крестовский, путешествовавший по Южно-Уссурийскому краю, отмечал в 1882 г. наличие в русских семьях корейских детей, которые прекрасно говорили по-русски и полностью переняли православие.⁶

В брошюре С.М. Меркулова, являющейся, по признанию ее автора, переработкой статей И. Бунакова, печатавшихся в начале 1909 г. в газете «Дальний Восток» подчеркивается, что «...селясь в крае со своими семьями, корейцы вообще имеют большое влечение к русским школам. В Покровской волости, где имеется несколько корейских деревень, всего из 162 дворов свыше 50 мальчиков отправлены в школы Владивостока, Хабаровска, Никольск-Уссурийского для получения образования в средней школе. Двое в последние годы окончили гимназическое образование и уехали продолжать образование в русских университетах (Сведения относятся к 1907-1908 гг.). Почти все дети оставшихся в крае детей, здесь родившиеся или привезенные малолетними, говорят по-русски. Корейцы отличаются (от других инородцев - *прим. Г.К.*) стремлением, как только позволяют им средства, устраивать жизнь по образцу русских и вообще стремятся походить на европейцев. Ни одна из народностей, нам чуждых по крови из находящихся в Приамурском крае, не проявляет такого искреннего расположения к России, как корейцы».⁷

Корейцы всегда с большой готовностью соглашались на крещение своих детей, потому что они понимали необходи-

мость перехода детей в христианскую веру и принятия русского образа жизни. Когда открывалась церковно-приходская школа, корейские родители сразу отправляли в нее своих детей. Желание корейцев перенять русскую веру в этот ранний период было чрезвычайно сильным: корейцы сами строили церкви, школы, сами вызывались креститься и т.д.⁸ Следует подчеркнуть, что этот интерес был зачастую вызван не желанием понять веру, а тем, что корейцы не делали различия между русским подданством и христианством, и считали, что принятие христианства поможет им приобрести и другие преимущества.

К рубежу веков русские церковные власти изменили отношение к миссионерской деятельности среди корейцев. Задача заключалась не в формальном численном увеличении крещеных корейцев, а в развитии их уровня религиозности путем упора на образование. Школа стала заботой первой важности православной миссии, ибо «школа есть преддверие церкви». В 1900 г. во Владивостокской и Благовещенской епархиях, где проживала основная масса корейских переселенцев, действовали 26 церковно-приходских школ. К этому времени церковные власти приняли решение исключить из своих школ использование корейского языка и перейти полностью на русский язык обучения.⁹

Православные епархии не могли воспрепятствовать распространению корейских школ, но пытались привлечь корейских детей в церковно-приходские школы. В программу обучения церковно-приходских школ входило 5 предметов: Закон Божий, церковно-славянский и русский языки, математика, церковные песнопения, история и география.¹⁰ На практике эта программа полностью проводилась только в нескольких более крупных поселениях, таких, как Корсакове и Янчихе, в большинстве случаев из этой программы опускались древний церковно-славянский язык, история и география. Неотъемлемой частью обучения, конечно, была утренняя молитва, а в школах-интернатах и вечерняя.

Длительность обучения была очень разной и во многом зависела от внешних обстоятельств. В то время существовали школы двух основных типов: церковно-приходские школы и школы грамоты. Средняя продолжительность учебы в церковно-приходских школах составляла 3-4 года. До 1899 г. период обучения в миссионерских церковно-приходских школах был установлен в 3 года, на год больше чем в обычных церковно-приходских школах. Позже был добавлен еще один год для тех школ, в которых занимались главным образом нерусские дети, так что официально рекомендованная длительность обучения стала составлять 4 года.¹¹

Обычно церковные школы рассчитывали на взносы родителей, но даже русские не проявляли желание платить за образование своих детей. Корейцы представляли собой исключение в деле содержания своих школ. Вероятно, такое отношение было следствием глубоко укорененного в сознании корейцев уважения к образованию, что было постоянной характерной чертой корейского общества. Во всех корейских школах-интернатах расходы делили корейская община и родители. Когда требовались большие капиталы для постройки здания новой школы, в большинстве случаев их полностью предоставляла корейская община. Русская православная церковь нашла возможности ведения пропаганды среди корейцев в школах, которые требовали очень мало расходов со стороны церкви. Это не означает, что пропорция средств, затрачивавшихся на нужды образования, была незначительной, напротив, обычно расходы на образование составляли до 50% годового бюджета Камчатской епархии. Например, в 1901 г. общие расходы составили сумму в 7178 рублей, из которых 1275 рублей (18%) пошли на выплату жалованья учителям, 1064 рубля (15%) - на ремонт школ, 390 рублей (5%) - на стипендии для бедных учеников школ-интернатов и 1000 рублей (14%) - на строительство церковной школы в нижнем Адими. Оставшаяся сумма была использована для оплаты труда миссионеров и на такие разнообразные рас-

ходы, как медицина, пенсии миссионерам и т.п. Однако, несомненно, что в общем и целом все эти суммы были очень невысокими, так как в тот год в корейской миссии было 29 школ. Годовое жалованье русского учителя в 1898г. колебалось от 250 до 600 рублей, в среднем составляя 400 рублей, а средняя годовая зарплата корейского учителя была около 200 рублей. Учитывая, что в тех школах было приблизительно 50% корейских учителей, средние годовые расходы только для оплаты преподавательского состава равнялись 9000 рублей. Таким образом, размеры взносов местных общин составляли 80-90% всех расходов. Это означает, что школьная сеть почти полностью содержала себя сама и не зависела от денежных поступлений извне, а это было очень выгодно для православной церкви.¹²

Такая просветительская политика церкви не замедлила дать хорошие результаты, как и по общему числу крещеных корейцев, так и по их участию в церковных обрядах. К 1903 г. доля крещеных корейцев колебалась в различных деревнях от 60 до 90 %, а участие крещеных корейцев мужского пола в причастии достигало от 40 до 85%, что является свидетельством чрезвычайного успеха. К сожалению, русско-японская война положила конец этому положительному развитию, с одной стороны, во многом сократив финансовую поддержку извне, с другой стороны, лишив в глазах корейцев Россию статуса великой державы. И хотя после войны наблюдалось некоторое улучшение положения, показатели никогда не смогли достигнуть довоенных уровней.

Таким образом, православная церковь выполнила положительную миссию в деле приобщения корейцев к новой жизни на дальневосточной земле. Именно священнослужители и миссионеры стали первыми преподавателями русского языка среди корейцев. Естественно, что основная задача заключалась в христианизации корейцев и воспитании верноподданных чувств царскому самодержавию.

¹ Миссионерская деятельность между корейцами в Камчатской епархии в 1872г. // Миссионер, 1874, №6, с. 63-67.

² Православный благовестник. М., 1906, Книга 2, №20, с. 164.

³ Миссионерская деятельность между корейцами, переселившимися на Амур. // Миссионер. 1874, №26, с. 239-242.

⁴ Вагин В. Корейцы на Амуре // Сборник исторических сведений о Сибири и сопредельных ей странах. Т.1., СПб., 1875, с. 19.

⁵ Судьба корейского мальчика // Миссионер, 1877, №17, с.136-138.

⁶ В.В.Крестовский. Посыет, Суифунь и Ольга. Очерки Южно-Уссурийского края // Русский вестник, т. 157, февраль, 1882, с.766.

⁷ Меркулов С.М. Вопросы колонизации Приамурского края. СПб., 1911, с. 41-42.

⁸ Вениамин, Епископ Камчатский. Отчет о состоянии и деятельности миссии Камчатской епархии за 1872 год. Труды православных миссий Восточной Сибири. - Иркутск, 1873, т.1, - С.559-560.

⁹ Миссионерское дело в Корее и в Уссурийском крае; частное письмо из Сеула // Церковные ведомости. СПб., 1912, №6, с. 203-206.

¹⁰ Отчет Камчатского епархиального училищного совета о состоянии церковно-приходских школ и школ грамоты в Камчатской епархии за 1893-1894 учебный год // Камчатские епархиальные ведомости, №10, 1895, с. 69-70.

¹¹ Белов М.В. Просветительская деятельность русской православной церкви среди корейских иммигрантов в дореволюционной России // Актуальные проблемы российского востоковедения. М., 1994, с. 82.

¹² Там же, с. 85